

ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ ХАНСА КРИСТИАНА АНДЕРСЕНА

Вниманию читателей предлагаются оставшиеся вне традиционных детских изданий писателя малоизвестные и неизвестные русскому читателю сказки и истории. Некоторые из них появились при жизни Андерсена, главным образом, в газетных и журнальных публикациях и не были включены автором в его сборники и книги путевых очерков. Также здесь представлены сказки и истории, которые писатель считал не столь самостоятельными или незавершенными, а потому оставил в своем рукописном архиве. Они были напечатаны посмертно в датских и зарубежных изданиях или публикуются здесь впервые по оригинальным рукописям Андерсена.

Произведения расположены в хронологическом порядке, что в какой-то мере позволяет проследить эволюцию творчества писателя. «Смею надеяться, что всякий, кто прочтет мои сказки в том порядке, в каком они были написаны, заметит в них постепенное развитие и совершенствование, как в смысле ясности выражения основной идеи, умения пользоваться материалом, так и в жизненной правдивости и свежести», — писал Андерсен в автобиографии «Сказка моей жизни» (1855).

Ханс Кристиан Андерсен

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

(Из немецкого)

ХАНС И ГРЕТА

Жили на свете два брата. Каждый владел прекрасным наделом земли, и поскольку они были соседями, то частенько хаживали друг к другу в гости и разговаривали о хозяйстве, да о достатке. Один хвалился честностью его работника, другой же — ловкостью своей служанки. У старшего брата был великолепный жеребец, у младшего — красивая кобыла, оба одного цвета и роста. Вот об этих-то животных и заходила каждый раз речь: старший брат хотел купить кобылу младшего, тот же, напротив, не отказался бы от жеребца. Что ж, согласны они были только в том, что оба животных должны принадлежать одному хозяину — но никак не могли договориться между собой.

Однажды, когда в очередной раз речь зашла о жеребце и кобыле, младший брат воскликнул:

— Ну, так спорим, что я получу жеребца без твоего ведома? Более того, твой честный работник сам мне его приведет!

— Спорим, — согласился старший. — Мой жеребец против твоей кобылы, что этого не случится. Если работник захочет украсть его, он мне сам об этом скажет.

— Это ты так думаешь! — возразил младший.

— Да я уверен в его честности!

Пари было заключено, и братья разошлись.

На следующее утро младший брат позвал свою служанку и рассказал ей о пари с братом:

— Теперь я надеюсь на твою сноровку!

— Можете на меня положиться! — заверила его Грета и тем же вечером отправилась к работнику старшего брата.

— Доброго вечера, Ханс!
— Спасибо, Греточка!
— Трудишься, как всегда...
— Да, ведь это мой долг, моя обязанность.
— Я слыхала, твой хлев такой аккуратный, ни дать ни взять, кукольный шкафчик. Да теперь я и сама это вижу!

Ханс был польщен и пригласил Грету войти внутрь. Она же похвалила то, что стоило похвалы, и помогла с тем, что работнику еще необходимо было сделать.

«Эта Грета, пожалуй, симпатичная и милая девушка!» — подумал Ханс.

На следующий день, в субботу, Грета пришла снова.

— Доброго вечера, Ханс!
— Спасибо, Греточка!
— Ты не сердись, что я сегодня опять пришла?
— Нет, с чего бы это?
— Ты уже свободен на сегодня?
— Да, я уже все сделал! И очень торопился! А знаешь почему? Потому что мне подумалось: может, Греточка заглянет сегодня?

Они присели поболтать. Ханс приметил, что Грета умеет складно говорить, да к тому же весьма умная девушка. Он возьми да и спроси ее: не хочет ли она пойти с ним на танцы в это воскресенье.

Грета согласилась, и они протанцевали до глубокой ночи, когда девушка воскликнула:

— Бог мой, уже так поздно! Мне ведь надо быть дома! Седлайка своего коня и отвези меня!

Ханса не надо просить дважды. Посадил Грету на коня, и поскакали они сквозь темную ночь. Чтобы девушка не упала, Ханс обхватил ее рукою и всю дорогу твердил о ее благосклонности к нему. Грета посчитала, что настал подходящий момент высказать все, что у ней на сердце: что ее хозяин хочет заполучить жеребца, на котором они сейчас скачут, и что он пообещал ей большое вознаграждение, и когда она получит его, оно станет хорошим приданным.

— Ты ведь поможешь, дорогой Ханс? — спросила она и поцеловала работника.

Бедняга Ханс! Теперь ему придется выполнить просьбу девушки — хочет он того или нет. Но как скрыть от хозяина кражу?

— Надо что-то придумать,— решила Грета.— Скажи хозяину, что во время поездки на тебя напали волки, и коня пришлось бросить. Волки же обглодали его до костей. Можешь даже привести господина сюда, а я позабочусь о том, чтобы завтра на этом месте лежали обглоданные лошадиные кости.

На том и порешили. Грета ускакала на коне, а Ханс отправился домой пешком.

Дома он никак не мог уснуть, его терзала мысль о том, как он завтра будет лгать своему хозяину. Не лежалось Хансу в постели, он вылез из нее и решил поупражняться во лжи. Вышел за дверь, обернулся и постучал — представил, что за дверью — его хозяин:

— Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, господин! Жеребец...— Тут он запнулся и не мог говорить дальше. Вышел снова за дверь и повторил: — Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, господин! Жеребец...— И опять он замолчал, ложь застряла в горле и тяжким камнем лежала на сердце.

Спозаранку он отправился в комнату к хозяину.

— Доброго утра, Ханс!

— Спасибо, господин!

— Как там жеребец?

— Э-э-э, дорогой господин! Жеребец...— Он запнулся было на мгновение, но продолжил,— жеребец похищен, и вор — я, теперь меня остается только повесить!

Затем Ханс рассказал, как все произошло, упомянув о том, что сообщила ему Грета.

— Так что жеребец у брата господина,— заключил он.

Хозяин был обрадован подтвердившейся честностью работника, простил его и пообещал вознаграждение — такое же, как брат его обещал служанке.

— Теперь важно, чтобы ты женился на Грете,— сказал хозяин.— Тогда ты приведешь ее в мой дом, и у меня будет не только честный работник, но и ловкая служанка.

Ханс не мог и мечтать об этом. Честность победила в пари, и тому, кто положился на хитрость, пришлось лишиться и служанки, и кобылы. Да так, в сущности, и должно было произойти!

ГОЛУБЫЕ ГОРЫ

Неподалеку от гор обосновалась тихая и набожная община людей. Члены ее питались той кашею, что старательность их помогла добыть им с земли, тем молоком, что получали они от животных, пасшихся на лугу. Трапеза их проходила в удовлетворении и благодарности Господу. Утренней порою люди выходили на свежий воздух и, обратив свои взоры к востоку, молились незримому Богу, который подымал в небеса солнце из-за этих прекрасных голубых гор, устремлял вниз водные потоки, насыщающие их поля и луга, насылал непогоду с громом и молниями, исполненную царственного великолепия.

Но был в общине человек, который хотел подобраться к горам настолько близко, что смог бы исследовать водное течение, ветер и воздух. Однажды он отправился туда и осуществил свое намерение.

Через некоторое время человек этот воротился и провозгласил собравшимся общинникам:

— Любезные братья! То, что вы возомнили себе о голубых горах и Боге — неправда! Мы глубоко заблуждались. При ближайшем рассмотрении предметы сии предстали предо мною в совершенно ином, отличном от наших воззрений, свете. Горы, которые отсюда кажутся столь прекрасно голубыми, — в действительности, лишь неровные и бесплодные камни; воды, что струятся из ущелий — дикие и разрушительные горные потоки; ветер и воздух — суть природные миражи, происходящие сами по себе; солнце же встает далеко за этими горами, и Бога, которого мы воображали себе, там нет.

Члены общины пришли в замешательство от слов человека, суждения которого имели значительный вес, некоторые даже возмущенно зароптали: «Так наши предки обманули нас! Мы верили в сказку, как во что-то реальное!» И с тех пор они перестали возносить молитвы Богу, который творил чудеса в голубых горах, но и работать стали с неохотой, жили в постоянной неудовлетворенности.

Нашлись среди них такие, кто сами отправились в горы, чтобы увидеть все воочию — да только утомили себя напрасными хождениями вверх и вниз, а многие сорвались в пропасть или заплутали среди величественных горных круч и умерли от голода.

Однако ж на одного из таких путешественников снизошел духовный свет. Он подумал, взирая на глыбы скал: «Какая же сила их воздвигла? Вид этих громад заставляет сердце трепетать и мыслить о величии!» Почувствовав жажду, путешественник спустился к горному источнику, где увидел дикое животное, припавшее к воде; и он восславил того, кто позволил благодатной свежести хлынуть из этих скал. Отсюда, с вершины горы, открылась ему истинная природа сущего: разрушительный поток превращается в долине в мирную реку, которая несет корабли от города к городу и дарует людям нескончаемое наслаждение. Наблюдал он и движение облаков, изменение ветров и увидел, что все это подчиняется определенному закону. И солнышко просыпалось каждое утро к востоку от той вершины, где стоял путешественник. Тогда он преклонил колена пред тем незримым, что являет свою мощь во всем вокруг, и осознал истину в древней вере: да, Бог действительно царил в прекрасных голубых горах! Но одновременно с этим человек уразумел, что нельзя привязывать себя к мертвым словам веры — необходимо следовать смыслу этих слов!

Он воротился домой и проповедовал в общине свое Евангелие. И те, кто услышал и принял его, снова работали с хорошим настроением, по утрам, как и прежде, выходили на свет Божий и, обратив свои лица к востоку, молились тому незримому, что царит в голубых горах — тому, что позволяет солнцу вставать, водным потокам струиться, а непогоде метать громы и молнии. И пока они возносили моления с верою в душе, в их повседневный труд вливалась сила, руки работали слаженнее, и каждое разумное желание сердца было исполнено.

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

(История, рассказанная месяцем)

«Далеко-далеко отсюда, — так начал свой рассказ месяц, — вышляется дворец, огромный, роскошный, с мраморными баре-

льефами на стенах, прекрасные ковры устилают его широкие лестницы и коридоры. Однажды я проплывал над венчавшим его куполом и заглянул с высоты сквозь стекла больших окон в великолепно убранную залу — то была сокровищница дивных произведений искусства. Но внутри царила невообразимая суматоха, причину которой я решил выяснить, и вот что я увидел: в спальном покое, в окружении свиты и лейб-медиков, под роскошным балдахином с тяжелыми золотыми кистями, возлежал на своем пышном ложе король. Здесь было тихо, никто не смел шелухнуться. «Он задремал, — шептались придворные, — сон укрепит его тело и дарует облегчение от недуга». Но я-то знал, что король не спит. Мой взор уловил то, что недоступно человеческому глазу: посреди величественного ложа, на груди закоченевшего, бледного короля, ослабившись в жуткой гримасе, восседала костлявая Смерть. Она нацепила на себя золотую корону монарха, а кончики своих заострившихся пальцев приложила к его глазам. Смерть нашептывала королю отвратительные истории, истории из его жизни, повествующие обо всех злых, жестоких деяниях, которые он когда-либо совершал. В покое стояла жуткая тишина, было так тихо, что отчетливо слышалось каждое слово, произнесенное Смертью. От ужаса на лбу короля выступили кровь и капли пота... Но меня там уже не было — я плыл над высокими горами, оставив дворец далеко позади».

Вот о чем поведал месяц, я же лишь набросал эту картинку в свою тетрадь. Гениальный поэт, художник или композитор воспользовался бы этим материалом лучше, разукрасив мой бледный набросок пылающими красками, которые, подобно злоеющим откровениям, явленным королю Смертью, прожигали бы человеческие сердца вплоть до самых потаенных их уголков.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА СТАРАЯ ИВА

Дорога была проселочная, узкая и лежала в стороне от большого тракта; по бокам ее выстроились в ряд ивы, выглядевшие довольно уныло: их стволы, вместо пышной кроны, венчала обрубленная, узловатая верхушка, из которой, словно струи воды из лейки, взметнулись вверх молодые побеги — тонкие лозинки;

таких деревьев здесь было много, а вот живописную иву можно было увидеть, пройдя по дороге чуть дальше; там, возле огромной лужи, которая имела все основания называться прудом, стояло старое-престарое дерево, ему, должно быть, исполнилось больше сотни лет. Во времена далекой молодости эту иву подрезали, как и все остальные деревья, и ей приходилось беспрестанно выпускать свои побеги-прутики, но вот уже с полвека ива была представлена самой себе и выглядела теперь поистине роскошно: ее длинные густолиственные ветви клонились к подернутому ряской и заросшему зеленым пруду; посреди ствола проходила трещина, во время одной из сильных бурь расщепившая макушку ивы, а из этой самой трещины, куда ветром нанесло чернозему и прелых листьев, росли трава и цветы. Особенно наверху, где дерево раздваивалось, — там образовался целый всяческий садик с малиной и мокричником; там даже проросла крохотная стройная рябинка, которая красовалась теперь на верхушке ивы. Казалось, что дерево, такое сторбленное, такое дряхлое и почтенное, — это старец, а раскидистые ветви — его пышный зеленый парик. Впрочем, оно и в самом деле было стариком, которому перевалило за сотню лет.

Ива, застывшая в гордом одиночестве, была достойна кисти художника, однако стоило подойти к ней поближе, и тотчас становилось понятно, что ее окружение являет собой еще более живописное зрелище. В первую очередь, сказанное относилось к пруду, который цвел и зеленел, его заволокли водяные растения, а потому он казался зеленым пятном, — лишь на миг, когда расходилась в стороны потревоженная плюхнувшейся лягушкой зеленая ряска, можно было увидеть черную воду. К ней-то и тянулась старая ива. Сюда же склонил свои ветви росший сбоку куст бузины, который каждую весну стоял усыпанный цветами; над лопухами и крапивой навис дикий хмель, а в самом углу вымахал здоровенный рогоз, необычайно бархатистый, могучий и крепкий.

Позади же всего этого зеленого великолепия одиноко ютилась ветхая, полуразвалившаяся крестьянская лачуга; казалось, она изнемогала под тяжестью лепившегося на ней гнезда аиста — единственного, что там не нуждалось в починке; дикий хмель оплел развалюху вплоть до темно-зеленой крыши, на которой тут и там росли среди разноцветного мха дикий чеснок и желтые цветы. На лачугу эту можно было только смотреть, но уж никак не дотраги-

ваться до нее — настолько она была дряхлой! Но это не смущало ни аиста, ни древнего старика, коротавшего в ней остаток своих дней, хотя ему частенько неприятно поддувало с севера, ведь к северу от лачуги не было ни единого деревца — ни ивы, ни бузины. Там растилась огромная барщина: овес стоял еще желто-зеленый, тогда как пшеница уже налилась золотом и созрела.

— Старик в лачуге, аист наверху, да я вот тут, у пруда, — говорила старая ива, — мы — одна семья. Я здесь дольше всех и появилась прежде остальных; а старика я помню, когда он был еще маленьким светловолосым мальчиком. В этой самой лачуге он родился и вырос; по моей спине он карабкался, баламутил пруд своими босыми ногами, — ни на неделю этот мальчишка не пропадал у меня из виду. Как-то раз он воспылил любовью к девушке — жалкий оборванец! По пути на ярмарку он сидел с ней бок о бок в повозке, но так и не осмелился признаться в своих чувствах — и тем лучше, поскольку на следующий же день девица согласилась выйти за богача крестьянина, доставившего ей и скот, и прочие блага. «Она это заслужила», — услышала я тогда от робкого паренька. Не больно он был разговорчив, а в последний год и подавно — не чета моим ветвям: уж они-то шелестят на все лады, когда ветер резвится в них. Ни мне, ни ему торопиться некуда, а дождь с непогодой, солнечные лучи да облака пусть себе проносятся над нами! Аисту тоже не сидится на месте: каждый год ему нужно улетать отсюда Бог знает куда, в чужие страны, но он нас не забывает и каждый год возвращается обратно. Правда, воробьи чирикают, мол, на самом-то деле это потому, что здесь он не испытывает недостатка в хорошей еде, да стоит ли слушать болтунов, которые ни о чем другом и говорить не могут! Аист — преданный друг! «Благодаря ему не сносят лачугу», — сказала недавно барышня из господской усадьбы, присевшая у дороги и перенесшая на бумагу меня, лачугу и аиста, — она назвала это зарисовкой.

Я, конечно, подсмотрела, что у нее получилось. Меня изобразили любующейся своим отражением в пруду, однако на этой картинке можно лицезреть лишь мою внешность; того, что я чувствую, там, как ни старайся, не разглядишь.

«До чего ж здесь славно, суцая благодать!» — радуется старый Якоб, живущий в лачуге. Аист же считает, что места лучше этого не сыскать: и то правда — здесь наши корни, а у него тут свое гнездо.

КАРТОШКА

Бывало — да-да, частенько бывало, и, боюсь, не избежать этого и впредь! — поэты воспевали одно лишь благородное да богатое: то, что Господь наш, словно в подтверждение человеческой ничтожности, выдвинул в первый ряд. Стыдитесь, господа поэты! Мы же собираемся воспеть картошку, ибо она это заслужила, и да будет благословен тот день, когда проросла она в Европу!

— Воспеть картошку! — удивленно восклицает кто-то и тут же добавляет: — Вот умора!

Подобного не услышишь, когда речь заходит о самом первом стихотворении на свете или, скажем, сундуке с деньгами. Однако же картофель, славный, питательный картофель, является достойнейшим объектом, поскольку с честью выполняет свое предназначение. Вот мы и восславим его! И все же нам это не под силу: никто не воздаст картофелю должное прекрасней и возвышенней виденного нами однажды в одной из беднейших, теснейших улочек большого города. Из здешнего погребка вышла маленькая оборванная девочка, она вся раскраснелась, ее глаза сияли, в руках малышка держала миску, полную горячего картофеля, только что купленного ею внизу. Девочка ликовала: «Мы устроим дома пир! У нас будет горячая картошка!» — ни одному священному птичьему гнезду индейцев не поклонялись с таким великим восторгом и сердечной искренностью, каких удостоилась простая картошка.

Из Америки, а точнее из Перу, «страны золота», прибыл к нам этот скромный земляной плод — благословение для человечества, манна небесная в голодную пору! Работорговец Хоукинс¹ привез его в Англию, а Йонас Альстрёмер² ввел в обиход в Швеции в 1720 году; немногим позже картошка добралась и до Германии, но всюду она поначалу была отвергнута, забыта — и, наконец, добивалась признания! Биография картофеля имеет много общего с историей жизни большинства великих людей.

¹Хоукинс Джон (1532–1595) — английский моряк, бывший, помимо прочего, работорговцем. По некоторым источникам, в 1563 или 1565 году именно он впервые привез картофель в Европу из Перу.

²Альстрёмер Йонас (1685–1761) — шведский промышленник, который в 1724 г. (а вовсе не в 1720, как сообщает Андерсен) ввел картофель в обиход у себя на родине.

Картошке и впрямь пришлось пережить немало горьких дней, ставших достоянием истории. Думаете, ее тотчас же принялись выращивать, получая богатый урожай? О ней твердили священники с церковных кафедр, короли самолично раздавали клубни, чтобы люди сажали их в землю, но разве уследишь, вправду ли посадят. Не далее как сотню лет назад прусский король Фридрих II пожаловал целый воз картофеля городу Кольбергу и приказал бить в барабаны, чтобы созвать всех горожан. Отцы города показали народу новый плод, после чего огласили, как его нужно сажать, растить и готовить в пищу. Однако мало кто уразумел сказанного, и горожане принялись пробовать на вкус сырую картошку: «Фу, какая гадость!» — возмутились они и отшвырнули клубни, приметив, что даже собаки не стали их есть.

Некоторые рассадили свои картофелины там и сям по полю, ожидая, что из них вырастут деревья, с которых можно будет снимать плоды; другие побросали всю полученную меру картофеля в глубокую яму, где клубни слежались и превратились в ком.

На следующий год королю пришлось все начинать сызнаова, и лишь мало-помалу до людей, наконец, дошло, что к чему. Зато теперь картошка крепко стоит на ногах, теперь-то ее все признали!

А вот, что рассказывали уже в наши дни, когда картофель, почитаемый ныне благословенным плодом, достиг берегов Греции: король Отто встречал свою молодую супругу, и греки усыпали дивными розами всю улицу, по которой пролегал ее путь, а самой королеве преподнесли букет из цветов картофеля, — он значил гораздо больше, чем розы!

Мы и вплели в наш букет то, чем не побрезговала сама королева Греции: немного зеленой ботвы с картофельного поля — скромной крохотной делянки перед домиком сторожа у дорожной заставы.

БУКВАРЬ

Как-то раз один человек сочинил несколько новых рифм для «Букваря» — по две строки для каждой буквы, так же, как и в старой книжке.¹ Он полагал, что просто необходимо придумать что-

¹Букварь немецко-датского печатника и издателя Й. Р. Тиле (1736–1815) увидел свет в 1770 г. и использовался вплоть до 1840-х гг.

то свежее, ведь уже существующие стихи безнадежно отстали от века и давно всем надоели. Новые же рифмы их сочинитель находил весьма неплохими. «Букварь», в который их поместили, был пока еще только рукописным, но он уже расположился рядом со старым, напечатанным, в огромном книжном шкафу, где стояло множество книг — как ученых, так и предназначенных для развлечения. Однако старому «Букварю» такое соседство пришлось не по вкусу: он взял, да и спрыгнул со своего места на пол, толкнув при этом новый «Букварь», так что и тот теперь очутился внизу, рассыпав свои листы по полу.

Старый «Букварь» лежал открытый на первой странице, — а она ведь самая главная в книжке, где представлены все буквы, большие и маленькие. Она одна заключает в себе то, из чего состоят все книги, которые когда-либо были написаны — алфавит, — чудесное войско символов, что управляют миром; поистине необыкновенной властью они обладают! Только прикажи им стоять в нужном порядке, — и воины эти обретут способность даровать жизнь или лишить ее, осчастливливать или опечаливать. Поодиночке-то они ничего не значат, а вот когда волею мудрого Господа оказались выстроены в ряд, облеченными в слова,¹ мы узнали больше, чем способны были вынести, и склонились под этой тяжестью; буквы же не дрогнули и стойко несут ее.

Так вот теперь они лежали на полу у всех на виду, и петушок², изображенный подле заглавной буквы А алфавита, сверкал своими яркими перьями — красными, синими, зелеными. Он горделиво приподнялся со страницы и взъерошился. Да, уж он-то прекрасно знал о важности букв и к тому же был среди них единственным живым существом!

Когда петух обнаружил, что старый «Букварь» лежит на полу, он взмахнул крыльями, взмыл вверх и пристроился на уголке

¹Датский литературовед Ханс Брикс (1870–1961) считал, что Андерсен намекает здесь на каменные скрижали с заповедями, упоминаемые во второй книге Пятикнижия, поскольку именно в них он видел свидетельство божественного происхождения букв: «И когда [Бог] перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим» (Исх. 31:18). Однако более вероятным кажется предположение о том, что для Андерсена вся Библия являла собой откровение Господне.

²Изображение петуха, считающегося символом бдительности и наблюдательности, было заимствовано из немецких букварей.

книжного шкафа. Здесь он почистил клювом перья и закукарекал звонко и протяжно. Каждая из книг в шкафу, стоявших днем и ночью, словно в оцепенении, когда их никто не читал, была разбужена этим трубным гласом. Затем петух высказался громко и ясно об оскорблении, нанесенном достопочтенному старому «Букварю»:

— Все теперь должно быть по-новому, по-другому! — заявил он. — Все должно идти в ногу со временем, ведь нынешние дети такие сообразительные, что начинают читать раньше, чем выучат алфавит. «Вот и надо им преподнести что-нибудь новенькое!» — решил умник, накропавший новые стихи, которыми теперь усеян весь пол. Я их знаю! Да-да! Раз десять я слышал, как он зачитывал их для себя вслух. Ему, видите ли, они очень нравятся! Ну, уж нет! Попрошу оставить в покое мои родные, добрые старые рифмы из «Букваря» с *Xanthus*¹ и картинками, что прилагаются к ним. За них я буду бороться, за них буду драть свое горло! Они хорошо известны любой книге в шкафу! Теперь же я зачитаю вслух все эти новомодные стишки. Постараюсь сохранять присутствие духа, да только уверен: мы единогласно решим, что они из рук вон плохи!

А. Атте (Кормилица)

Кормилица в платье воскресном шагает
И гордо на деток хозяйских взирает.

В. Vonde (Крестьянин)

Крестьянина раньше во всем притесняли,
Теперь слишком много ему воли дали!

— Этот стих мне кажется совершенно неуместным! — заметил петух. — Тем не менее, продолжу читать!

С. Columbus (Колумб)

Колумбу плыть пришлось немало,
Чтоб суши вдвое больше стало!

---

¹Ксанф — имя мифического коня. Двустипшие из старого «Букваря» выглядело следующим образом:

Ксанфа Нептун в конюшне своей
Считал одним из лучших коней.

D. Danmark (Дания)

О Датском королевстве слух идет,
Что Бог в годину бед его спасет!

— Многим это покажется трогательным! — ухмыльнулся петух. — Но я так не считаю! Не вижу здесь ничего трогательного! Читаем дальше!

E. Elephant (Слон)

Хоть тяжело ступает слон,
Конечно, молод сердцем он!

F. Formørkelse (Затмение)

Очень довольна затмением луна —
Носит ермолку подолгу она!

G. Galten (Боров)

Боров с кольцом в пяточке — кавалер,
Правда, лишенный хороших манер.

H. Hurra (Ура)

Нередко «ура», звучащее страстно,
Весьма опрометчиво и напрасно!

— И как ребенку понять такое? — воскликнул петух. — Правда, на титульном листе указано: «*Букварь для больших и маленьких*», но только у великовозрастных-то есть дела поважнее чтения «Букваря»! Ну, а малышам его не понять! Всему ведь есть предел! Однако я продолжу!

J. Jord (Земля)

Земля плодородна, кругла, словно мать,
Когда-нибудь снова в ней будем лежать.

— Ну, это уже граничит с пошлостью! — возмутился петух.

K. Ko. Kalv (Корова, телушка)

Корова рябая — супруга быка,
Телушка — всего лишь ребенок пока.

— И как объяснить детям родственные связи? — хмыкнул петух.

L. Løve. Lorgnet (Лев, лорнет)

С лорнетом дикий лев не бродит,

Лорнет партерный лев наводит.

M. Morgensol (Заря)

Утром ранним заря занимается

Не оттого, что петух надрывается.

— Теперь оскорбления в мой адрес! — воскликнул петух. — Но и то хорошо, я хоть в приличном обществе оказался — в обществе солнца! Читаем дальше!

N. Neger (Негр)

Сколько негра ты ни мой,

Не сотрется сажи слой.

O. Olieblad (Оливковый лист)

Голубь когда-то, светел и чист,

Людам принес оливковый лист¹.

P. Pande (Лоб)

Такое вместить может лоб человека,

Чему не хватает пространства и века!

Q. Qvæg (Скот)

Хорошее дело — скот разводить,

Есть и плохое — самим скотом быть.

R. Rundetaarn (Круглая башня²)

Тот, кто с Круглую башню размером,

Может не быть благородства примером.

---

¹Согласно библейскому рассказу, Ной, спасавшийся от всемирного потопа, узнал о том, что вода сошла, благодаря голубю, вернувшемуся к нему с оливковым листом в клюве.

²Круглая башня — одно из самых крупных сооружений старого Копенгагена, обсерватория в составе комплекса университетских зданий, который был возведен по приказу короля Кристиана IV (1577–1648) в середине XVII века.

S. Sviin (Свинья)

Друг мой, гордиться сверх меры не надо
Тем, что *свиней* в лесу — целое стадо.¹

— С вашего позволения, я прочищу горло! — объявил петух. — Ведь такое длительное чтение хоть кого уходит; я должен перевести дух!

Тут он закричал, да так пронзительно, словно медная труба!
Какое блаженство было слушать это — для петуха!

— Продолжим! — сказал он.

T. Theekedel, Theemaskine (Чайник, самовар)

Пусть *чайник* закоптился от нагара,
Но он поет не хуже *самовара*!²

U. Uhret (Часы)

Где бы ты ни был — мертвый, живой, —
Стрелки *часов* не замедлят ход свой!

— А здесь, должно быть, подразумевается какая-то глубокая мысль! — проворчал петух. — Но она упрятана так глубоко, что до нее и не добраться!

V. Vaskebjørn (Енот)

Если за дело возьмется *енот*,
Скоро до дыр он его изотрет!³

X — —

— Здесь он не мог придумать ничего нового!

В море семейном должна быть скала:
Так, у Сократа *Ксантинна* была.

---

¹Во времена земельных сообществ зажиточные крестьяне отпускали своих свиней гулять в лес, чтобы те наелись желудей, — это свидетельствовало о достатке их хозяев.

²Сатира на различие между народным и салонным искусством.

³На русский язык слово *vaskebjørn* (енот) буквально переводится как «медведь-полоскун» или «стирающий медведь».

— Он все-таки выбрал Ксантипу. Ксанф был бы здесь гораздо уместней!

Y. Ygdrasil (Игдрасиль¹)

Под ясенем боги держали совет,
Засох *Игдрасиль*, — и богов уже нет.

— Осталось совсем чуть-чуть, — заверил петух, — и это утешает!
Дочитываю!

Z. Zephyr (Зефир)

Зефир — промозглый западный шутник:
Датчанам дует он за воротник.

Æ. Æsel (Осел)

Осел упрямый будет век ослом,
Хоть золотым укрась его седлом!

Ø. Østers (Устрица)

Устрица хочет поглубже залезть:
Миру нет веры, ее могут съесть!

— Ну, вот вам, пожалуйста! Но это ведь еще не все! Сначала их напечатают, а затем и будут читать! Вот, что собираются предложить вместо благородных стихов из старого «Букваря»! А что думаете обо всем этом вы, почтенные друзья мои: ученые и не очень, отдельные произведения и собрания сочинений? Каково мнение книжного шкафа? Я уже высказался, — теперь очередь остальных!

Но книги стояли молча, да и книжный шкаф безмолвствовал; петух же слетел обратно на свое место подле заглавной буквы А в старом «Букваре» и горделиво посматривал по сторонам:

— Я говорил со знанием дела, а кукарекал и того лучше! Новый же «Букварь» ничего этого не умеет и долго не протянет! А если хорошенько разобраться, то он уже мертв! Ведь нет в нем такого петуха!

---

¹Игдрасиль — исполинский ясен в скандинавской мифологии, в виде которого представляли себе Вселенную. Под его ветвями вершили суд боги.

БЕССМЕРТИЕ

В овраге, на глинистом откосе подле дороги, многие путники выцарапывали свои имена, желая тем самым увековечить себя в земной тверди. Дождь и непогода должны были в скором времени размыть и стереть их. Прилетели земляные ласточки, принялись рыть в склоне ямки и устраивать гнезда — надписи исчезли, имена канули в небытие: забытыми оказались даже те из них, что были прочитаны, ибо у людей и без того есть, о чем помнить.

— Я прилетела издалека, — сообщила одна из ласточек, — и мне доводилось видеть в своих странствиях надписи попрочнее, высеченные в камне на стене храма в Индостане. Они гласили о великих подвигах могущественных царей, о бессмертных именах, которые уже никто не в состоянии прочесть, — это я понимаю «бессмертие»!

— А я слыхала, как мелочный торговец читал какой-то листок, отложенный им для завертывания товара, — откликнулась другая ласточка. — Газеты, эти ежедневные ангелы-глашатаи, молниеносные провозвестники судного дня, — а вернее те, для кого они являются хлебом насущным, и кого перечислять слишком долго, их проще назвать одним словом: кладовая, — вот уж поистине пустой звук! Прочитанное во всеуслышание лавочником в равной степени являлось апофеозом поэтического или драматического искусства и надгробным словом, — как вам такое бессмертие? Назавтра листку была уготована роль обертки для крахмала и кофейных зерен.

— У меня есть тетушка, — вмешалась в разговор третья ласточка, — пожилая дама из породы домашних ласточек. Она живет в гнезде над окном первого артиста сцены и «единственного», как зовет его тетушка. Миру он неизвестен, лишь домочадцы да тетушка видали, как он играл, облачившись в шлафрок, — бедняжка целых три дня после этого не могла вымолвить ни словечка, ибо он все сказал — сказал для бессмертия! К тому же, по его словам, артист на сцене является выразителем и хранителем того, что доверил ему поэт; для лицедея бессмертие — ничто, он живет лишь настоящим моментом, который может увенчать его лаврами: одарить признанием публики, оглушить его, заставить позабыть обо всем ради него! И сказанное абсолютно верно — оно присуще всякому живому и движущемуся существу. Бессмертие — это миг! Его

сияющий ореол для кухарки заключается в удавшемся у ней пудинге, и он ничуть не слабее блеска очей мещанской красавицы, пусть слегка недалекой, как и большинство красавиц, — Господь-то наш никому не дает все разом! — когда она танцует с сынком сиюминутного министришки, глуповатым пареньком, родившимся несмотря на это «превосходительством», — довольно обидное обстоятельство для его титулованных братьев, иные из которых наделены благородной душою, что тоже не редкость на белом свете.

Бессмертие! Ты — прекрасная выдумка, ты — блестящая идея, которую втемяшило себе человечество, готовое лишить себя жизни, только бы убедиться в ее осуществлении!

Взгляни-ка, все это услышал, обмозговал и записал на бумаге поэт; каждая строка тому подтверждение: сплошь обиды, не дающие покоя и больно ударяющие по самолюбию, — с таким воображением можно зайти ой как далеко! Однако ж подобное случается, когда карабкаешься выше и выше, чтобы снискать себе только одно: бессмертие!

— А я вот знаю, в чем заключается счастье и величие! — прощелбетала четвертая ласточка. — В том, чтобы по милости Божьей без усталости порхать друг с дружкой. Я, положим, выражаюсь сейчас точно какой-нибудь христианский поэт, — ну, да иначе-то меня не поймут! Я роюсь в земле, строю гнезда и откладываю яйца, однако нечто более значимое не дает мне покоя, — уж не бессмертие ли это? Вот поистине грандиозная мысль! Как начну думать о бессмертии, так просто не верится, что и я, и все мои родичи, возможно, наделены им! В бесконечном мировом пространстве места хоть отбавляй: его гораздо больше, чем требуется нам, чтобы жить в свое удовольствие — всему ведь, наравне с началом, положен предел. Я так вполне довольна тем, что имею: это и разумно, и правильно — пожелаю я большего, меня б чего доброго сочли ненасытной и неблагодарной. Впрочем, что толку говорить о бессмертии: будь оно у меня, я бы сделалась гораздо рассудительней!

Король приказал проложить дорогу в другом месте, и откос сровняли с землей, ласточки улетели, напоминания о бессмертии — вот уж поистине «земные», — канули в Лету. Поэт мог бы воспеть их, но поблизости не было никого, кроме высокопоставленных лиц, наместников Всевышнего, — а им такое не под силу, этого они, ясное дело, не умеют!

Бессмертие! Спроси о нем флюгерного петуха, спроси о нем Господа, когда снизойдет Он в твои помыслы... Конечно, это лишь пространный монолог, но, представ во всей красе, описанное в нем явит собою сказку — роскошнейшую и прелестнейшую, венце всех сказок — «Бессмертие»!

УХОВЕРТКИ

Ты, верно, не знаешь, что ухвертки — нежнейшие из всех матерей; так говорится в естественной истории, вот почему об этом следует знать. У них в высшей степени развита материнская любовь. Положим, обезьяна тоже испытывает привязанность к своим детенышам, но это обезьянья любовь: мамаша чуть не до смерти душит их в своих объятиях!

— Мне и в голову не могло прийти подобное! — воскликнула старая ухвертка. — Я о самой себе забываю ради невинного крохи: нынче помолвлен мой младшенький. Он у нас бездельник и не имеет за душой ни гроша, однако помолвка уберезет его от присущих молодежи сумасбродств и заставит взяться за ум! Вот я и радуюсь этому событию!

— У вас есть для этого все основания! — заметила другая почтенная мамаша-ухвертка. — Детки должны вести себя соответственно их природным наклонностям. Я так не отступаю от этого правила в отношении своего малыша, хотя он, признаться, немного шалит; ну, да пусть себе перебесится в юности, зато его ожидает славное будущее! Он доставляет мне столько радости, а между тем за ним нужен глаз да глаз!¹

---

¹На этом обрывается текст рукописи. Приводим здесь продолжение, взятое из сказки «Навозный жук» (1861), в которую Андерсен поместил эпизод с мамашами-ухвертками:

«— Взгляните-ка на моих малюток! — поспешила сказать третья, а за ней и четвертая ухвертка. — До чего ж они милые и такие забавные! Они всегда ведут себя хорошо, если только у них не болит животик, — а от этого в их возрасте не уберезешься! И каждая мамаша рассказывала о своих детках; детки тоже вмешивались в разговор и пускали в ход свои клещи на хвостиках.

— Чего только ни выдумают эти проказники! — восклицали ухвертки, потев от избытка чувств».

ХМЕЛЕВОЙ ШЕСТ

На хмелевóm шесте не увидишь ни веточки, ни листика, — их у него и не должно быть, потому как это шест, а не что-либо другое. Весной нарождается невеста — хмелевая лоза, которая становится его супругой; она обвивает собою шест, и у него словно вырастают листья; вместе же эта парочка выглядит настоящим деревом.

— Я удерживаю ее в воздухе, я ее опора! — говорит хмелевой шест.

Листьев на нем не счесть! А вот среди них появляются и цветы, какой аромат разливают они вокруг! Но на праздник хмеля лозы срезают и, обобрав с них хмель, отправляют на костер; так хмелевой шест становится вдовцом до тех пор, пока по весне не объявится новая прелестница, цветущая супруга!

— Стою по-прежнему я, уходит супруга моя! — твердит хмелевой шест. — Но во всем ведь бывают исключения. Возьмет какой-нибудь из моих братьев, да и заявит: раз и навсегда сделаю цветущим деревом, вот только заключим друг друга в страстные любовные объятия!

И наша парочка крепко льнула друг к другу в дождь и солнце, в пасмурные и ясные дни; вокруг царили жизнь и красота, а шест купался в счастье и блаженстве, — чего ж еще желать? Так продолжалось до тех пор, пока лозу не срезали, шест вытаскивали из земли и ставили в угол, где он забывался долгим зимним сном, чтобы с приходом весны вновь заняться своим делом и взять в жены очередную молоденькую красавицу. И стоило пригреть солнышку, как она являлась, шест и лоза становились «прелестнейшим древом в лесу», — так нарек себя шест, услышав и поняв на свой лад строку из старинной баллады, слова которой оказались созвучными его собственным мыслям.

Однажды в сад, где рос хмель, наведалься ученый муж, школьный наставник со всеми своими учениками, и беседа их представляла собой не что иное, как упражнение на смекалку. Хмелевой шест оживился, когда в разговоре упомянули его самого, это было забавно, и он стал прислушиваться. Речь зашла о хмелевых шестах в истории; при этом говорилось, что в старину в Дании, раздираемой внешними и внутренними распрями, крестьянин был для помещика не более чем скот в хлеву: его запросто мог-

ли обменять на хорошего охотничьего пса! И крестьянин устал от такого обращения, принялся пускать красного петуха, — много старых господских усадеб погибло в огне! Говорили и о священнике из Сваннинге, Хансе Мадсене, которому богатый владелец Сандхольта доверил свое золото и серебро; любекцы пытались заставить священника рассказать, куда он его спрятал, но тот отказался, и за это Мадсена привязали к лошади: ему пришлось бежать за нею босиком до самого Оденсе. Там, в усадьбе пробста¹, священника поначалу засадили в огромный шкаф, затем выволокли оттуда, чтобы пыткой выбить из него признание: несчастного подвешивали за большие пальцы рук и тыкали в подмышки раскаленным клинком, но он не проронил ни словечка и за это вновь должен был тащиться за лошадью босиком, миля за милей, от Оденсе до Фоборга, где священника опять упрятали в шкаф.

Но вот ночью, в саду, где тоже рос хмель, раздались чьи-то шаги, вслед за тем показался босой мужчина в оборванном пасторском одеянии, с косматою головой; он что-то искал, тревожно озираясь по сторонам. Приметив хмелевой шест, он тотчас выдернул его, зажал в руке и направился к берегу моря. Тут лежала лодка, которую священник спустил на воду, после чего залез в нее сам, оттолкнулся шестом и поплыл по направлению к маячившим впереди огням датского лагеря. То был лагерь Йохана Рантцау², а священник — не кто иной, как Ханс Мадсен, которого ландскнехты связали и на поводке привели в Оденсе, в усадьбу пробста, для верности засадили в шкаф, стоявший в горнице, не подумав при этом, что отсюда пленный мог совершенно спокойно подслушать все неприятельские планы.

Однажды ночью священнику удалось совершить побег, и теперь он явился предупредить лагерь о грозящей опасности. При нем все еще был хмелевой шест, которым Ханс Мадсен без устали работал, переплывая бухту, — он выпустил его из рук, лишь очутившись лицом к лицу с Рантцау и рассказав ему обо всем, что услышал от неприятелей.

¹Пробст — старший пастор у лютеран.

²Рантцау Йохан (1492–1565) — датский полководец и государственный деятель, активный сторонник Реформации. В «Графской распре» 1534–1536 гг. на стороне короля Кристиана III (1503–1559).

РАССУЖДЕНИЯ АИСТА

Датчане — мои соотечественники, хотя и недружелюбные, — зовут меня египетской птицей, а ведь я родился и набирался уму-разуму в Дании: они собственными глазами могли наблюдать мое появление из яйца, экзерсисы, которые я выделял, постигая летное искусство. Я — датчанин не хуже других, несмотря на то, что моя родня живет в Германии, Голландии и Англии. Однако ж, будучи перелетной птицей, «Fløtflugl», как говорят шведы, на зиму я должен перебираться на юг, поскольку в моей, в общем-то славной, датской родине зимой стоит невыносимая стужа. За это меня и зовут египетской птицей, но мне до этого нет дела: правды ведь все равно не скроешь, да и никто кроме людей меня так не величает.

Малюткой семи дней от роду я увидел хозяев мира; они казались мне гораздо важнее папаши и мамыши, хотя те кормили и обучали меня. Родители тоже отзывались о людях довольно любезно, но предпочитали держаться от них подальше. «Так безопасней и удобней всего», — говорили они. Обычно усваиваешь язык той страны, в которой рос, — я и владею им так же хорошо, как языком аистов: он-то более распространен и одинаков у аистов во всех уголках мира; люди же перестают понимать друг друга, стоит им переехать из одного места в другое. Я уяснил для себя, что все они — славные и хорошие, лишь когда понимают друг друга, однако под нашим гнездом притаилось нечто такое, что зовется у них чертом: он-то и опасен для людей, потому как они до такой степени начинают баламутить чистую, благословенную воду жизни, что пить им приходится помой, которыми они давятся.

Люди разделяют себя на высших и низших, но при этом, залезая в воду, выглядят одинаково: они совершенно лысые, — хоть бы для приличия купили себе оперенья! Гнездо же, в котором они чинно сидят, по-видимому, в большей степени свидетельствует об их достатке. Я и в самом деле уверовал в то, что они стоят гораздо выше нас, аистов; однако во многом, если так можно выразиться, это птицы не нашего полета: некоторые из них, правда, стали передвигаться быстрее по так называемой железной дороге, но

нас им не догнать, да к тому же мы не сталкиваемся и не ломаем себе шеи! Растяпы — вот кто эти хозяева мира! Меня прямо-таки бросает в дрожь, когда я слышу о крушениях на железной дороге! Как славно, что для полета по воздуху нам не требуется ни рельсов под ногами, ни бешеных локомотивов!

Я, конечно, не певчая птица, и язык у меня не подвешен, но зато я умею так громко трещать своим клювом, что все услышат. Вот и протрещу им сейчас: Дания — моя родина, а для тех, кому это не нравится, я — величественная птица севера, которая зимует под солнцем Африки, пока на родине холодно.

Я повидал достаточно людей, чтобы раскусить их и убедиться, что все они наделены самыми что ни на есть лучшими аистовыми сердцами и помыслами, да только им-то невдомек! Вот и начинает завариваться чертовщина, — потому как это она и есть — бурлит, брызжет из горшка, а над ним подымается такой густой пар, что людям не видать друг друга — попробуй тут не обожгись! Будь я придворным священником или газетным проповедником, — непременно бы их вразумил!

ОСЕЛ В ТОПЧАКЕ

Чуть ли не о каждом из моих португальских странствий можно рассказать целую сказку! Вот одна из них.

Как-то раз я возвращался с вечерней прогулки, собираясь закончить письмо. Мой путь пролегал через ближайший из разведенных здесь обширных апельсиновых садов. В них обыкновенно вырыт огромный, глубокий колодец, вода из которого подымается и попадает в систему оросительных каналов посредством топчака. Самый механизм довольно прост, им пользуются со времен предприимчивых мавров: вода зачерпывается особыми ковшами, укрепленными на колесе, денно и ночью приводимом в движение несчастным ослом с завязанными глазами, — вернее, ослами, сменяющими друг друга через каждые два часа.

Во всякое время суток животное мерно бредет в топчаке, не двигаясь с места; повязка на глазах не дает ему любоваться ни дивным мерцанием звезд в вышине, ни великолепием цветов граната, выделяющихся на фоне зеленой листвы, ни страстоц-

ветами, карабкающимися по стене, словно какой-нибудь сорняк, ни даже высокими и крупными цветущими стеблями алоэ, вымахавшими в глубоком песчаном овраге один подле другого, подобно телеграфным столбам, только более изящным, похожим на величественные бронзовые канделябры из Помпеи, изысканность которых в бедной португальской Троже¹, пожалуй, сочли бы неуместной.

— Ослу неведома вся эта роскошь! — невольно вырвалось у меня.

— А может, она мне вовсе и не нужна! — услышал я в ответ. Португальский осел ведь разговаривает на том же языке, что и датский. К счастью для зверей, язык каждого их вида всюду одинаков, да и тот является лишь диалектом всеобщего языка животных, из которых осел, несомненно, самый немногословный, а соловей — истинный кладезь красноречия.

— Я занят делом, равно как и те, кому я безразличен, или те, кто без конца глазают на меня, что, в сущности, позволительно лишь моим хозяевам! — заявил осел. — Под их кровом мне перепадает и кнут, и сено! Работа, корм да спанье — вот ради чего я, собственно, здесь торчу. Всего же приятней полакомиться желтым цветком чертополоха, красующимся под тенистым оливковым деревом!

Следует признать, что среди переводов моих сказок иной раз встречаются посредственные: их для чего-то снабдили неким разъяснением, даже моралью, в оригинале заложенной в саму сказку и не нуждающейся в том, чтобы ее преподносили в сжатом виде. Доберись горе-переводчик и до этой крошечной истории, он, вероятно, ввернул бы сюда что-то вроде: «Сколько не похожих на этого осла людей упражняются в своем почтенном занятии, но однако же, подобно ему, топчутся в колесе с завязанными глазами посреди прекрасного Божьего мира!»

И поступил бы весьма опрометчиво, поскольку это еще не конец!

— Слышишь, как квакают лягушки в водных оазисах под той аркой? Думаешь, у них нет забот? — попытался вразумить

---

¹Трѳжа — древний, засыпанный песками город на одноименном полуострове, расположенном в пятидесяти километрах к юго-востоку от Лиссабона. В «Дополнении к “Сказке моей жизни”» (1871) Андерсен называет его «португальскими Помпеями».

я осла. — «Пю-пю-пю!» — стрекочет кузнечик в стенной расщелине. И у него дел предостаточно: он должен оповещать о приближении постороннего.

— Зато у кузнечика нет моих хозяев, по мнению которых, я появился на свет лишь для того, чтобы ради их выгоды крутить колесо! — горько усмехнулся осел. — Сомневаюсь, чтобы они вообще у него были. С каким удовольствием издал бы я радостный вопль, если б только был уверен, что это придется по душе моим господам, но благоразумней всего молчать и выполнять свою работу — именно так подобает всякому урожденному ослу!

Возразить было нечего, и потому, простившись с четвероногим тружеником, я продолжил путь на виллу моих португальских друзей. Цветущие апельсиновые деревья благоухали, а над всем этим приютом роскоши, с картинами и статуями, розами и кактусами, необычайно ярко сияли звезды.

КАРТОШКА

(Вариант 1868 года)

Огород примыкал к цветнику; их обитатели отлично видели друг друга и водили знакомство, хотя цветам предстояло красоваться в гостинной, а уделом овощей была кухня.

— Нас поставят в вазу или, на худой конец, в хрустальный бокал, — говорили цветы. — Лучше не придумай!

— Травам и кореньям самое место в кастрюле и горшке!

Так наперебой каждый твердил здесь о своем высоком предназначении: красноречия им было не занимать, да и спеси тоже. Однако ж все сошлись во мнении, что картошка — самый интересный участник собрания: была она выходцем из Америки и оказалась большим благословением для человечества, чем золото Калифорнии, — так сказали сами люди! Но, Бог ты мой, каких только мытарств не довелось ей изведать!

— Когда мы прибыли в Германию, — рассказывала картошка, имея в виду своих предков, которым пришлось немало претерпеть, — прусский король повелел разослать первую партию плодов по провинциям: согласно королевскому указу, их должны были вручить населению для посадки. Только вот как сажать

картофель — никто не сказал. Прямо на площади, где раздавали клубни, люди, один за другим, начали пробовать на вкус «земляное яблоко»: «Фу, какая гадость!» — возмутились они и отшвырнули картошку. Даже бродячий пес, решивший было отведать ее, тотчас оставил эту затею.

Но все же нашлись такие, кто попытался посадить картофель: одни выкапывали яму и ссыпали в нее всю полученную меру зараз, другие рассаживали картофелины там и сям по полю и ждали, что из пробившейся зеленой ботвы вырастут плодовые деревья, но где уж там! — ботва сохла, валилась на землю и гнивала.

И еще много лет картофель не признавали, пока люди, наконец, не поняли, что им нужно делать. Вот тогда-то мы и вошли в силу, — закончила свой рассказ картошка, — и теперь мы — бере!

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА

Когда после бурной, веселой ночи, проведенной на балу, возвращаешься домой в экипаже, сидишь с опущенными веками не оттого, что клонит ко сну, — просто мелодии, слышанные ночью, как бы запечатлелись в ухе, вокруг все еще сверкают огни бальной залы, мимо проносятся в вихре танца бесплотные прелестные женские образы; великолепии бальной ночи настолько живо отражается в нашей душе, словно она еще там, а мы следуем за ней, как за небесной звездой, сияющий луч которой не может угаснуть сам по себе и продолжает светить.

Изредка в минуты, подобные этим, наша душа начинает грезить о пережитом, и воспоминание это взволнует нас с новой силой, хотя на сей раз мы будем всего лишь созерцать его. Жизнь, даже богатую событиями, или многочисленными путешествиями, но при этом неторопливо проведенную в уединении, рано или поздно ожидает забвение, как засыпанные пеплом Помпеи — утраченное достояние, окруженное своеобразным священным ореолом.

Вот так же и с памятью о родине; зачастую она сопоставляется с теми картинами, которые развертывает перед нами жизнь. В шумном городе, где улицы озарены сотнями ламп, льющих свой свет из витрин магазинов, у гренландца пробуждается вос-

поминание о родном его сердцу пылающем северном сиянии, ослепительно-белом снежном покрове, а еще о смертельном одиночестве, лишь изредка нарушаемом голубым песком, испускающим хриплый крик. Когда равнинный житель отправляется в горную страну, ему намного тягостней, чем ее высокогорным обитателям, путешественник тоскует по привычной плоской, обширной равнине, или, по крайней мере, вспоминает ее. Датчанин, приезжая в какую-нибудь южную страну, да еще и вновь увидев море, с удвоенной силой начинает вспоминать свою родину: волны, далеко накатывающие на земную твердь, кажутся ему рунами, которые море вырезывает у родных берегов; он обращает свой взор в сторону дома, и Дания с ее зелеными островами, предстает перед ним, подобно прелестнейшему видению Фата-Морганы.

Для меня существуют четыре вещи, которые неизменно напоминают о Дании: это вид моря, аромат клевера, старинные мелодии и «Гравюры на дереве» Кристиана Винтера¹. Достаточно одного из перечисленного, чтобы на чужбине, или находясь в уединении на родине, совершенно отчетливо представить себе ее образ; я перенесу эту картинку на бумагу — пусть послужит приглашением иноземцу полюбоваться нашими зелеными островами, поросшими буком и клевером лагунами, расположенными к северу от Германии; а чего мне особенно хочется, так это чтобы к нам приезжало как можно больше гостей.

Моим же соотечественникам я поведаю своего рода повесть, где каждому читателю отведена особая роль — роль зрителя, сидящего на скамье и созерцающего толпу, частью которой является он сам. Однако фигуры и их действия могут получиться трудноразличимыми: не следует забывать, что картинки, из которых я слагаю свою повесть, являются дагерротипами, а они, как известно, выходят удачными, лишь когда сидишь, не шелохнувшись, — при движении очертания становятся слегка размытыми.

---

¹Винтер Кристиан (1796–1876) — датский поэт-романтик, оставивший яркий след в национальной лирике. «Гравюры на дереве» — название цикла стихотворений, изображающего сцены крестьянской жизни, из сборника «Стихотворения» (1828).

ИВЕДЕ-АВЕДЕ!

Ты, конечно, помнишь сказку о ели, которая в счастливейший вечер своей жизни услышала историю про Клумпе-Думпе, свалившегося с лестницы, но все-таки взявшего себе в жены принцессу; дети тогда хотели послушать еще и про Йведе-Аведе, но им пришлось удовольствоваться лишь одной историей.

Что ж, теперь настал черед рассказать про Йведе-Аведе. В действительности, имя у них было гораздо длиннее — помнишь, в детском стишке: Йведе-Аведе, киведе-каведе?.. Там в конце еще появляется дурачок, который, если ты не знаешь, доводится братом Клумпе-Думпе. Только сейчас речь не об этом. Йведе и Аведе были совершенно не похожи друг на друга, но послушать стоит про каждого, причем внимательно — иначе ничего не поймешь!

Так вот, одного звали Йведе, а другого — Аведе. Йведе был пылкий и порывистый, всегда первый в танце, на газетных столбцах, в обществе, обладал даром красноречия, был своего рода маленьким Господом Богом, совсем крохотным, но зато имел большой вес в газете, что, скажу я вам, очень много значит, — этакий машинист локомотива ежедневной прессы, который распоряжался человеческими жизнями и благополучием, приводя в движение подвластную ему машину одним лишь своим приказом.

— Сперва великие мира сего, а потом уж малые! Пора представить и меня! — обиженно вмешался господин Аведе. — К вашим услугам! Я и аристократишка, и мещанин, и ремесленник, и крестьянское отребье в одном лице — словом, кухонная тряпка для огромного мирового котла; мир отверг нашего брата. Вот какие мы, Йведе и Аведе, киведе-каведе!

ПИСЬМО АИСТА ИЗ СУЭЦА ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ КАНАЛА

В сентябре, после осенних маневров, я, супруга и четыре наших отпрыска покинули прелестную, гостеприимную Данию, дом Пера Хансена на Страннвайен¹; мы летели много дней, прежде чем попасть в Африку, — пришлось-таки поработать нашим крыльям! Но тяготы перелета остались позади:

¹Береговой путь (дат. Strandvejen).

мы в Суэце, куда все прибывает и прибывает народ для того, чтобы присутствовать на открытии канала. Сюда съехались корреспонденты со всех стран, наша родина — не исключение. Да-да, я говорю и пишу *родина!* Всем известно, что аист — египетская птица, но это несправедливо! Нам ли не быть датчанами — нам, родившимся на зеленых островах между Северным и Балтийским морями, — по крайней мере, мне и моему семейству, чья квартира на Страннвайен, у Пера Хансена на крыше, ныне пустует?

Ну, так вот, из Суэца напишут и поведают всему миру о грандиозном египетском событии дня: водный путь соединит Европу с Красным морем! Древняя мумия пришла бы в неопикуемый восторг, доведись ей участвовать в открытии канала, о котором она и помыслить не могла, — да где уж там! Фараон не дожил до этого дня каких-нибудь несколько тысячелетий.

Думаю, здесь будет прелюбопытно, а посему все подробности я сообщу в отдельном письме. Шлю привет Перу Хансену на Страннвайен и поклон моему гнезду: я вернусь в марте!

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ЧАСЫ

Вот послушайте-ка!

— Мы вполне себе живые! — заверили часы. — Тик-так! С точностью показываем и отбиваем ход времени: час, два, и так далее — до двенадцати; после двенадцати все начинается сызнова. За день и ночь стрелки дважды совершают свой круг, потому-то в Италии можно встретить часы, которые показывают от первого до двадцать четвертого часа, — только уж больно они велики! Середина ночи знаменуется нашим боем: и маленькие карманные, и огромные, могучие часы на соборной башне начинают звонить, поют-заливаются, — да-да, для этого у нас имеется металлический язычок! Ударим один раз, — и ночные сторожа выкрикивают: «Пробил час!» А между тем, час предыдущий уже уносится за пределы земли, туда, где во мраке, подобном царившему при сотворении мира, Господь, единый на небе и на земле, парит над водами.

О ЧЕМ ПОЮТ ВОЛНЫ МОРСКИЕ

Жил на свете мудрец, и был он настолько умен, что понимал чуть ли не все языки, на каких говорили люди в разных уголках мира; понимал даже, о чем поют птицы, что означают звуки, издаваемые тем или иным животным. Не разумел он лишь одного языка — древнейшего, появившегося прежде всякого другого человеческого или животного — языка моря, пенных волн, лепет которых в ясную погоду убаюкивает, а в бурю, многократно усилившись, грохочет, подобно могучему зову сотни сирен, и даже еще громче!

— Это настоящая песнь, мелодия прошлого, но вместе с тем и будущего, притом неизменная. Сушним наслаждением было бы слушать ее, понимая, однако, о чем в ней поется! Ведь вся сила в словах! — говорил мудрец и внимал бушующему морю на его северных берегах, где ледяной зимний ветер пробирает до костей; прислушивался к шепоту волн в краю, где никогда не бывает зимы, где круглый год благоухают розы под качающимися пальмами.

— Если б только знать язык мирового океана! Даже крошечная морская улитка владеет им в совершенстве, ведь когда она умирает, волны по-прежнему шумят и поют в опустевшей раковине, поднесенной к уху. Мне просто необходимо выучить язык моря! — вздыхал мудрец. — Пусть человек и не способен воспроизвести звуки какого-либо языка, но научиться понимать его он в состоянии, нужно лишь очень сильно этого захотеть и запастись терпением!

Мудрец сознавал, что ему не поможет объявление в газете о поиске учителя морского языка, потому он и не стал его размещать, а направился напрямик к морю, под высокие темные скалы мыса Нордкап, где во время шторма грохот волн уподобляется судному гласу; на мыс Гренен, у которого сходятся Северное и Балтийское моря, и где обломков затонувших судов и морских птиц столько, что последние кажутся снующими по небу облаками, оглашающими окрестности своими криками. Посетил мудрец и берега Средиземного моря, где растут пальмы, где цветут розы во время северной зимы, и катятся прозрачные, сине-зеленые волны цвета вод в огромных горных ледниковых озерах Швейцарии. Тут-то и случилась история, о которой пойдет речь.

У Средиземного моря, неподалеку от границы с Италией, раскинулась Ницца — залитый солнцем городок, в котором тепло и летом, и зимой; море у его берегов шумит, поет, не умолкая, год за годом ночью и днем. Сюда приезжают иностранцы со всех концов света, чтобы подышать мягким, целебным воздухом. Сюда наведалься и наш мудрец, желавший выучить язык морских волн, и здесь он, наконец, осуществил свою мечту. Правда, ему понадобились для этого годы, рассказ о которых занял бы две-три страницы. Перелистнем их, представим, будто они уже прочитаны, — ведь тебе не терпится узнать, о чем может поведать море! Ну вот, пожалуйста:

— Я видело корабль; на его борту была женщина, темно-голубые глаза которой выдавали в ней северянку. Ее взор, исполненный любви, блуждал среди волн. Судно было объято пламенем и устремилось в мои холодные объятия в надежде потушить пожар. Так или иначе, но корабль опустился туда, где колышутся водоросли, в мой огромный заповедный сад, а я вторглось в каюты и вновь увидело ту женщину: она казалась спящей, ее руки мирно покоились на груди, едва заметная улыбка играла на устах, но Смерть уже настигла ее на цветущем дне морском. С датских островов в мои воды были пролиты слезы, горючие и соленые: оплакивали ее, сестру... Корабль стал ей гробом, а волны пропели псалом над ее могилой.

СПРОСИ С АМАГЕРА ФРУ!

Толстый дед на грядке жил,
Он морквой корявой был.
Захотел старик жениться
На морковной свет-девице,
Чтоб была нежна, юна,
Рода знатного она.
Так и сделал! В огороде,
Под луною, на природе,
Свадьбу дед наш закатил,
Ни гроша не заплатил:
Задарма росу с цветов

Каждый овощ пить готов!
Женишок своим гостям
Слал поклоны там и сям
И бухтел: «Бу-бу! Бу-бу!»
Видя всю эту гульбу,
Молодая лишь вздыхала —
Ни словечка не сказала!

Если считаешь, что вру —
Спроси с Амáгера фру!¹

Пастор был капустой красной,
Шли с невестою прекрасной
Брюквы юные к венцу;
Приглашенным: огурцу,
Спарже — всем картофель пел,
Здесь плясал, кто как умел!
И жених не отставал,
Жару, старый, поддавал —
Прыгал выше всех вокруг:
«Крак!» — и развалился вдруг!
От него ботва осталась...
А невеста улыбалась,
Ей ведь счастье привалило —

---

¹Вариант перевода для прочтения малышам:

Коли не веришь нам —
Спроси зеленщицу сам!

«Фру с Амáгера» — торговка зеленью, зеленщица с маленького датского островка в проливе Эресунн, жители которого в XIX веке занимались исключительно садоводством и огородничеством, так что остров этот, являвшийся во времена Андерсена предместьем Копенгагена, считался как бы его «огородом». Образ «фру с Амáгера» заимствован писателем из старого детского стишка:

— Фру с Амáгера, морковкой одари!
— Кукиш видел? Погляди!
Живо с грядок уходи!
— Фру с Амáгера, морковкой одари!
Покрупней, поблагородней,
Но не прошлогодней!

Прыгкость деда погубила,
И теперь вдовой морковка
Зажила свободно, ловко!
Но не долго: юной, чистой
Угодила в суп душистый!

Если считаешь, что вру —
Спроси с Амáгера фру!

КОММЕНТАРИИ

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

(SMAAHISTORIER)

Впервые опубликовано 23 декабря 1972 г. в газете «Jyllands-Posten». Истории созданы в 1836 г. и предназначались автором для газеты «Dansk folkebladet», однако напечатаны в ней не были. Редактор вернул писателю рукопись с отказом.

Оба произведения являются обработкой рассказов неизвестного немецкого автора.

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

(PAA DØDSLEJET)

Сказочная миниатюра озаглавлена переводчиком. Среди литературоведов она известна как «Первый вечер» (Den første Aften), который должен был открывать сборник «Альбом без картинок» (дат. «*Billedbog uden Billeder*»), состоявший, согласно первоначальному замыслу Андерсена, из 22 вечеров-главок. Однако и этот эпизод, и лирический этюд о гробницах королей пришлось исключить из книги, увидевшей свет 20 декабря 1839 г., по причине злободневности сюжета: их могли посчитать намеком на кончину 3 декабря того же года датского короля Фредерика VI (1768–1839). 12 декабря 1839 г. писатель сообщил автору бытовых повестей Хенриетте Ханк (1807–1846): «Две истории из числа лучших пришлось убрать... Поберегу-ка я их для нового тома».

Рассказ о гробницах королей Андерсен поместил уже в следующее издание «Альбома без картинок», а мотив Смерти, сидящей на груди монарха, позднее использовал в сказке «Соловей» (1843),

которая, как известно, заканчивается счастливо: соловей своим пением прогоняет Смерть от постели больного императора.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА СТАРАЯ ИВА
(HVAD GAMLE PILETRÆET FORTALTE)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене. Произведение озаглавлено переводчиком, поскольку в тексте рукописи заголовок отсутствует.

История создана предположительно до октября 1852 г. (но не ранее 1847 г.), после чего первоначальный замысел распался, и из него возникло три произведения: «Всему свое место!» (1853), «Ветер рассказывает о Вальдемаре До и его дочерях» (1859) и «О чем рассказывала старая Йоханна» (1872).

25 июля 1838 г. Андерсен впервые посетил усадьбу Глоруп на острове Фюн по приглашению ее хозяина графа Г. Мольтке-Витфельда (1764–1851). С этого времени писатель на протяжении многих лет был частым гостем в усадьбе. 15 мая 1847 г., находясь в Глорупе, он пометил в своем дневнике: «Вчера я видел аиста, который стоял в гнезде с распростертыми крыльями...». В своей записной книжке Андерсен сообщает об этом подробнее: «В окрестностях Глорупа есть полуразвалившаяся крестьянская лачуга, в которой никто не живет, поскольку для житья она непригодна; однако старый граф не позволяет сносить постройку: аист свил себе на ее крыше гнездо и каждый год прилетает в него. Благодаря аисту, лачуга будет стоять до тех пор, пока вконец не развалится».

КАРТОШКА
(KARTOFLERNE)

Впервые опубликовано Хельге Топсё-Йенсенем (1896–1976) в ежегоднике «Anderseniana» за 1953 г.

История создана в начале 1855 г. В послании к Хенриетте Вульф от 16 февраля 1855 г. Андерсен сообщает: «Накануне вечером я впервые за последнее время испытал потребность и желание доверить бумаге кое-что еще, крохотную историйку “Картошка”. Это, конечно, не статья для какого-нибудь сельского экономического вестника, но уже вполне сложившаяся у меня в голове история, и когда я закончу это письмо, непременно примусь за ее написание. Скоро вы ее прочтете, если только результат понравится мне самому».

На протяжении 1850–1860 гг. Андерсен неоднократно возвращался к теме проникновения картофеля в Европу (в 1868 году он создал еще один вариант «Картошки»), однако при жизни писателя была опубликована лишь история «Что можно придумать» (1869), в которой картофелина рассказывает об испытаниях, выпавших на долю ее предков.

Образ бедной девочки, радующейся горячему, был использован Андерсеном в сказке «Свечи» (1870), а картофельное поле у дорожной заставы описано автором в истории «Что муженек ни сделает, все хорошо» (1861).

О «картофельном» букете Амалии Ольденбургской писатель упоминает в главе «Королевский двор в Афинах» сборника путевых очерков «Базар поэта» (1842): «Мне рассказывали, что все улицы были усыпаны розами по случаю приезда королевы и что букет ее должны были составлять диковинные, а следовательно, более красивые цветы. Картофель совсем недавно ввезли в Грецию и ввели в обиход. Греки сочли цветущую картофельную ботву редчайшим и прелестнейшим цветком. Потому-то они и преподнесли прибывшей из Ольденбурга королеве букет из цветов картофеля!»

В рукописном архиве Андерсена сохранился еще один набросок истории про картошку, датируемый 1855 г.:

«— Хорошее рано или поздно непременно достигает почета и уважения! — говаривала бабушка. — Ну, вот взять хотя бы картошку: она бы много чего поведала, если б умела!

Действительно, были времена, когда картошку ни во что не ставили. Священники с церковных кафедр безуспешно пытались убедить народ в том, что картошка дана всем на пользу и радость, — никто в это не верил. Сами короли раздавали людям клубни картофеля, чтобы те сажали их в землю. Ну, и что с того, разве кто сажал? Вспомним, к примеру, великого прусского короля, которого прозвали Старый Фриц. Славный был малый! И он тоже пытался ввести картошку в обиход, а одному из городов своего королевства даже пожаловал целый воз картофеля, повелел бить в барабаны, чтобы созвать всех горожан на площадь, где бургомистр самолично представил народу новый плод, рассказал, как его надобно сажать, растить и готовить в пищу. Толку из этого не вышло: горожане пропустили его речь мимо ушей и стали про-

бовать на вкус сырую картошку. “До чего ж гадкая!” — возмутились они и побросали клубни в сточную канаву, ведь даже собаки к ним не притрунулись!

Но нашлись и такие, кто решил попытать счастья — одни рассаживали картофелины там и сям по полю и ждали, что из них вырастут целые деревья, с которых можно будет отряхивать плоды. Другие сбросили зараз всю меру картофеля в глубокую яму, где клубни слиплись в ком, а затем проросли.

Так что на следующий год королю пришлось все начать сначала, и немало времени прошло, пока люди — не сразу, постепенно — поняли, наконец, что им нужно делать с картошкой.

— Вот через какие испытания и мытарства пришлось пройти этому лучшему из плодов, дарованных людям! — говорила бабушка. — Ну, теперь-то картошка надежно укрепилась в своих правах. Нынче-то все ее признали. Да, хорошее рано или поздно непременно достигает почета и уважения!

И позднее, когда случалось мне видеть, что мир, казалось, незаслуженно чем-либо пренебрегает, всякий раз вспоминал я картошку и бабушкины слова».

БУКВАРЬ

(ABC-BOGEN)

Впервые опубликовано 2 марта 1858 года в первом выпуске первого цикла «Новых сказок и историй».

Сказка создана предположительно в январе 1858 г. Письмо Хенриетты Вульф от 22 января свидетельствует о том, что в этот день Андерсен, прочитав ей недавно сочиненные им истории «Кое-что» и «Ночной колпак старого холостяка», завел речь о буквах: «Поодиночке они ничего не значат, — утверждал он, — а вот оказавшись выстроенными в ряд — как Всевышний рассудил, — могут выразить все, о чем мы думаем, и чего желаем, заставив нас с трепетом преклониться, ибо для нас это неподъемная тяжесть; буквы же стойко, не дрогнув, несут ее». Приятельница Андерсена с ним не согласилась, поскольку считала, что Господь создал буквы лишь для того, чтобы ими можно было записать слова откровения, и что «только самое могучее берет начало из слов Божьих!» Приняв к сведению замечание Хенриетты Вульф, Андерсен изменил свое первоначальное высказывание и использовал его в «Букваре».

Мотив «оживших» книг встречается у писателя уже в раннем стихотворении «Жуткий час» (1826), где рассказывается, как в полночь книги Университетской библиотеки при Троицкой церкви прыгивают со своих полок и танцуют друг с другом во время устроенного ими праздника.

В 1894–1895 гг. в России вышло собрание сочинений Х. К. Андерсена, подготовленное супругами А. и П. Ганзен. В обращении к читателям они, между прочим, сообщали: «Из 156 сказок и историй Андерсена не войдут в настоящее собрание лишь “Азбука” (“*Букварь*” — перевод Д. К.), изложенная в стихах, и вследствие несоответствия датского и русского алфавитов не поддающаяся переводу, и “Спроси тетку с Амáгера!” (“*Спроси с Амáгера фру!*” — перевод Д. К.) — небольшой рифмованный рассказ-шутка, неизвестно почему помещенный автором в собрании сказок; вещь эта по своему чисто национальному колориту также не поддается переводу, да и не имеет для русского читателя никакого интереса».

БЕССМЕРТИЕ

(UDØDELIGHED)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

История создана в период между июнем 1857 — январем 1861 года, когда некоторые ее мотивы были использованы автором в «Музе нового века». На страницах дневника Андерсена сохранилась запись от 19 июня 1857 года, повествующая о поездке писателя из Гэдсхилла в Струд во время его пребывания в гостях у Чарльза Диккенса (1812–1870): «По дороге мне повстречались имена, выцарапанные на земляном откосе. Бессмертие... тебя не дано познать смертным!» В письме Хенриетте Вульф от 5 июля 1857 г. Андерсен заявлял о своем недовольстве английской критикой, неблагоприятно отнесшейся к его недавно вышедшему роману «Быть или не быть» (май 1857 г.): «Диккенс попросил меня больше не читать критики. “Через восемь дней она забыта, а ваша книга живет!” — Мы шли к Гэдсхиллу, его загородному дому. Мой спутник начертил носком башмака линию на песке: “Это — критика! — сказал он и стер ее той же ногой. — Где она? А то, что дал вам Господь, останется!”».

О своем неверии в вечную жизнь Андерсен упоминает в сборниках путевых очерков «Теневые картины» (1831) и «По Швеции»

(1851), а также в «Альбоме без картинок» (1839). Однако в автобиографичной «Сказке моей жизни» (1855) автор, напротив, сообщает читателям о том, как произошло его укрепление в вере: «Как-то на Рождество я гостил в Брегентведе; погода стояла мягкая, на широких каменных плитах, устилающих землю у обелиска в саду, лежал тонкий слой снега. В рассеянности я начертил тростью на одной из плит:

Бессмертие — тот же снежок,
Что завтра растает, дружок!¹

Я ушел; наутро сделалась оттепель, а потом опять подморозило. Когда спустя некоторое время я вновь наведалься к обелиску, то увидел, что снег там почти полностью растаял, кроме небольшого клочка, на котором осталось слово “бессмертие”! Такая игра случая меня сильно поразила, и я невольно помыслил: “Господи Боже мой! Я и не сомневался!”»

УХОВЕРТКИ

(ØRENTVISTER)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

В списке «Сказок, которые можно было бы написать» (рукопись из архива Андерсена, датируемая апрелем-маем 1859 г.) имеется название «Ухвертки». Предлагаемый набросок истории мог быть создан около 1860 г., после чего автор использовал его для сказки «Навозный жук» (1861).

В записной книжке Андерсена сохранился следующий диалог:

«— Наш сын объявил о помолвке. Он ничегошеньки не делает и не имеет за душой ни гроша, однако помолвка уберет его от присущих молодежи сумасбродств и заставит взяться за ум. Этому можно порадоваться!

— А наш,— говорят другие родители о своем чаде,— еще молод, ему нужно перебеситься. Так будет надежней, чем объявлять о помолвке в его лета, не имея средств,— ни то, ни другое не сулит добра! Пусть пока порадуется холостяцкой жизни!»

---

¹Перевод А. и П. Ганзен.

ХМЕЛЕВОЙ ШЕСТ

(EN HUMLESTANG)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

Произведение было создано в сентябре 1864 года. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 29 сентября 1864 г.: «Нынче я чувствовал себя довольно хорошо и начал писать историю “Хмелевой шест” (внутренние кавычки.—Т), однако, ознакомившись со сведениями о пасторе Хансе Мадсене и узнав, что помогал он противникам Кристиана II, я отказался от этой затеи». По всей видимости, автору импонировала личность упомянутого монарха. Писатель рассказывает о нем в историях «Тернистый путь славы» (1856) и «Альбом крестного» (1868), а в начале 1830-х гг. он даже собирался написать роман о временах правления Кристиана II, но замысел так и остался неосуществленным, хотя позже и вылился в создание одноактной драмы «Грезы короля» (1844).

В «Хмелевом шесте», в форме «упражнения на смекалку» — приема, позже использованного в «Нашем старом школьном учителе» (1868), — Андерсен обращается к одному из центральных событий датской истории — так называемой «Графской распре» 1534–1536 гг.

РАССУЖДЕНИЯ АИСТА

(STORKENS TANKER)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене. Произведение создано в середине 1860-х гг., после чего автор использовал некоторые из «рассуждений аиста» при написании историй «Осел в топчак» (1866), «Жаба» (1866) и «Письмо аиста из Суэца перед открытием канала» (1869).

ОСЕЛ В ТОПЧАКЕ

(ÆSELET I TRÆDEMØLLEN)

Впервые опубликовано Поулем Хойбю (1903–1986) в ежегоднике «Anderseniana» за 1973 г.

История создана в июне 1866 г. во время пребывания писателя в Португалии, где он гостил у братьев Хорхе и Хосе О’Нил, воспитывавшихся в течение четырех лет в доме адмирала Вульфа в Ко-

пенгагене. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 16 июня 1866 года: «Увидев топчущегося в колесе осла с завязанными глазами, окруженного дивной природой, я сочинил об этом сказку».

Многие подробности, особенно касающиеся впечатлений о природе, были использованы автором в сборнике путевых очерков «Посещение Португалии в 1866 году» (1868).

Мысль о том, что язык каждого вида животных всюду одинаков, есть также в историях «Рассуждения аиста» (середина 1860-х гг.) и «Жаба» (1866).

КАРТОШКА

(KARTOFLERNE)

(1868)

Впервые опубликовано П. Хойбю в ежегоднике «Anderseniana» за 1973 г.

Текст сказки содержится на оборотной стороне одного из черновиков истории «Наш старый школьный учитель», датируемой, согласно дневнику Андерсена, июлем 1868 г. В какой-то мере сказка интересней одноименной истории 1855 г.

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА

(DE GRØNNE ØER)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

«Гравюры на дереве» К. Винтера упоминаются автором в сказке «Двенадцать из почтовой кареты» (1861): «В ридикюле у нее лежали “Гравюры на дереве” Кристиана Винтера, — они поспрята свежестью с буковым лесом».

В письмах и путевых очерках Андерсена неоднократно встречаются строки, свидетельствующие о его восхищении дагерротипами.

ИВЕДЕ-АВЕДЕ!

(IVEDE-AVEDE!)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

История про Иведе-Аведе упоминается Андерсеном в сказке «Ель» (1845).

Автор воспользовался прибауткой из детских стишков, известных в Дании: «Иведе-аведе, киведе-каведе, оут де воут де бюбело; бюбело и рангио, кэллеморс и дангио! Нынче пьян наш старичок, ну, а вот и дурачок!» По замыслу писателя, Иведе и Аведе — это две аллегорические фигуры, две противоположности. Одна — собирательный образ «власть имущих», «хозяев мира», другая же олицетворяет собой людей «второго сорта», «кухонную тряпку для огромного мирового котла».

ПИСЬМО АИСТА ИЗ СУЭЦА ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ КАНАЛА
(ET STORKEBREV FRA SUEZ FØR KANALENS AABNING)

Публикуется впервые по черновым рукописям, хранящимся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

Произведение было создано в ноябре 1869 года. В дневнике Андерсена сохранилась запись от 6 ноября 1869 г.: «Вернувшись домой, я приступил к работе над двумя сказками. Одна из них о телеграфном кабеле — “Из Европы в Африку”, другая же — “Письмо аиста из Суэца”, где в этом месяце предстоит открытие канала».

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ ЧАСЫ
(HVAD UHRET FORTÆLLER)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене.

Оборотная сторона рукописи содержит окончание текста «Письма аиста из Суэца перед открытием канала». На этом основании историю «О чем рассказывают часы» можно датировать ноябрем 1869 г.

О ЧЕМ ПОЮТ ВОЛНЫ МОРСКИЕ
(HVAD HAVET FORTÆLLER)

Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Королевской библиотеке в Копенгагене. Произведение было создано в декабре 1869 года в Ницце. 7 декабря 1869 г. Андерсен пометил в своем дневнике: «Вечером начал писать сказку “О чем поют волны морские”».

По всей видимости, автор изобразил здесь сцену гибели в морской пучине своей приятельницы Хенриетты Вульф (1804–1858), которую он называл сестрой, и с которой первоначально обгова-

ривал сюжеты многих своих сказок и историй. В октябре 1858 г. в копенгагенских газетах было опубликовано сообщение о страшном пожаре, 13 сентября уничтожившем в открытом море пароход «Австрия». Большинство пассажиров погибло, в их числе и Хенриетта Вульф, по-видимому, задохнувшаяся в своей каюте.

Андерсен был поражен этим известием. Испытанные писателем скорбь и боль тотчас вылились в строки стихотворения, посвященного несчастной подруге юности: «Там, на судне, горящем над бездной морской...» Долгое время дни и ночи он только и думал о Хенриетте, молился за нее и, по его собственному признанию, просил явиться ему во снах. В «Дополнении к “Сказке моей жизни”» (1871) Андерсен вспоминал: «Навязчивые думы о случившемся настолько овладели всем моим существом, что однажды днем, когда я шел по улице, мне почудилось, будто дома на ней превратились в огромные волны, катившиеся навстречу друг другу. Я отчетливо видел их движение; и в этот миг меня объял настоящий ужас — я испугался себя самого настолько, что, собрав всю волю в кулак, заглушил, наконец, снедавшую меня постоянно мысль об одном и том же. Я чувствовал, что в противном случае сошел бы с ума. И мало-помалу едкое горе сменилось тихой грустью». Неудивительно, что после пережитого писатель неизменно отвечал отказом на многочисленные приглашения американских издателей побывать по ту сторону океана.

СПРОСИ С АМАГЕРА ФРУ!

(«SPØRG AMAGERMO'ER!»)

Впервые опубликовано 1 октября 1871 г. в датском журнале для детей «Illustreret Vørneblad». Однако в сентябре 1871 года, во время пребывания в Петерсхое — загородном поместье Терезы и Мартина Энрикес, — писатель рассказал их малолетней дочери Марии, отказывавшейся есть суп якобы из-за слишком жесткой моркови, другой вариант сказки про морковь. Присутствовавшая при этом Анна Вуд записала его со слов самого Андерсена и опубликовала в журнале «Temple Bar» за 1874–1875 гг. Приводим эту сказку целиком:

«До чего ж хорош был огород! Сколько славных овощей красовалось на его грядках! А в одном из уголков этого огородного царства жило-поживало под землей достойное во всех от-

ношениях морковное семейство. Оно состояло из господина Гулерода,¹ его супруги — фру Гулерод и их дочери — йомфру Гулерод. Все трое были весьма благовоспитанны и держали себя так, как им и подобало.

Вам надобно знать, что йомфру Гулерод выросла изящной, очаровательной девицей. Она была высока и стройна, имела прекрасный цвет лица, а вокруг ее шеи вились прелестнейшие во всей округе пышные зеленые локоны. Неудивительно поэтому, что все молодые кавалеры заглядывались на нее, наносили ей визиты, оказывали знаки внимания, томно шептали ей на ушко о том, как она прекрасна, и были бы весьма не прочь просить ее выйти замуж за одного из них, однако папаша красавицы с неодобрением посматривал на всех этих ухажеров, поэтому ни один из них не осмеливался зайти столь далеко. К тому же, все они знали, что глава семейства намеревался выдать дочь за отвратительного толстого морковного старика, жившего неподалеку, который попросил у отца ее руки, когда йомфру Гулерод была еще совсем малюткой. Бедняжке Кароте (именно так звали нашу героиню) это было тоже известно, и она с тоской думала о злосчастной доле, что была уготована ей отцом, ибо всем сердцем любила своего кузена — славного, бравого юношу, такого же красавца, как она сама. Однако не было никаких оснований надеяться, что ее отец изменит свое решение, ведь он твердил, что Карота с детства предназначена в жены гадкому старикашке, поэтому она просто обязана стать его супругой, и только сам старик может вернуть данное отцом невесты слово и добровольно уступить ее руку своему сопернику.

Но у нареченного жениха было жестокое, каменное сердце: он заявил, что Карота будет принадлежать ему, хочет она того или нет. Злодей не внял ее слезам и мольбам, когда горемычная истово просила его подыскать себе в жены другую девицу из числа прекрасных представительниц ее рода, и ускорил женитьбу: спешно приобрел он все необходимое для их нового дома, обзавелся кольцом и заказал пунш, который должны были подавать на свадьбе.

Как жестоко и непорядочно с его стороны! Но старикашку это ничуть не заботило, потому как он был одним из тех себялюбив-

---

¹В переводе с датского Gulerod означает «морковь».

вых созданий, которые делают все для своей выгоды. Несчастливая же Карота одиноко сидела у себя в горнице и плакала до тех пор, пока совсем не исхудала. В свою очередь, друзья ее пытались сделать все возможное, чтобы смягчить сердце престарелого, напыщенного корнеплода и отговорить его от женитьбы на юной девице, которая вовсе его не любит. Но старик никого не желал слушать и заручился обещанием господина Гулерода запретить несчастной Кароте с кем бы то ни было видаться до свадьбы.

Наконец, настал торжественный день. Собрались все приглашенные. Молодая в пышном, нарядном уборе предстала перед алтарем рука об руку с уродливым женихом, который глядел значительно и казался еще более жестокосердным, чем когда-либо.

В тот момент, когда прелестная невеста устремила исполненный отчаянья взгляд на нежно любимого ею кузена и покорила своей горькой участи, где-то наверху внезапно раздался жуткий треск, и, прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, гадкого старика схватили за его зеленую шевелюру и утащили наверх. Больше его никто никогда не видел.

То-то все обрадовались! Ведь теперь Карота могла выйти замуж за своего возлюбленного и больше никогда не кручиниться. Так она и сделала — прямо там, перед алтарем — и с тех пор была необычайно счастлива!

Теперь же, дорогой читатель, я должен сообщить тебе, что спас йомфру Гулерод добрейшей души садовник. Это он выкрал коварного старика из-под венца, и, так как тот был злым и жестокосердным, он забрал его из благословенной, счастливой земли, где старикашка обитал прежде, и отнес кухарке, которая порезала его на кусочки, сварила в супе и подала к столу, где он и был съеден, потому как не заслужил лучшей участи!»

*Перевод с датского, вступительное слово,
комментарии и примечания Дмитрия КОБОЗЕВА*